

О. В. СВЕНЦИЦКАЯ

ПРИЕЗД ФРИЦА ПЛАТТЕНА К В. И. ЛЕНИНУ В ПЕТРОГРАД (конец 1917 — начало 1918 г.)

Фриц Платтен... Это имя всегда будет дорого рабочему классу и его партии, всему прогрессивному человечеству. Он организовал переезд В. И. Ленина из Швейцарии в Россию в один из самых важных, решающих моментов развития русской революции — в апреле 1917 г. История этого переезда довольно хорошо известна¹. Менее известны подробности событий 1(14) января 1918 г., когда Платтен, проявив исключительную бдительность, понимание обстановки, заботу и чуткость друга в отношении В. И. Ленина, спас жизнь великого вождя революции. Об этом и пойдет далее речь. В нашем очерке использованы как документальные материалы, так и воспоминания Платтена, которого автор имел счастье лично знать.

* * *

Ф. Платтен не смог приехать в Россию вместе с В. И. Лениным и другими политическими эмигрантами, которых он сопровождал в апреле 1917 г.: Временное правительство задержало его на русской границе (в Торнео) под тем предлогом, что он не русский подданный. Тогда же реакционными кругами был пущен слух, будто Платтен действует в пользу немцев. Разоблачая империалистическую сущность подобных измышлений, В. И. Ленин писал: «Если даже «республиканец» Милюков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета рабочих депутатов, *не пустил* в Россию, в апреле 1917 года, швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинталя, *Фрица Платтена*, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г. в Риге, сидел за это в русской тюрьме, внес залог для освобождения царскому правительству, хотел получить этот залог обратно, — если «республиканец» Милюков мог *сделать* это в России в апреле 1917 года, то можно судить о том, чего стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии»². Этот отрывок из ленинской работы «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)» содержит важнейшие факты политической биографии Платтена в предшествовавший период.

В. И. Ленин оставил нам еще одну предельно краткую и выразительную характеристику швейцарского революционера. В воззвании «К солдатам и матросам», написанном в те же знаменательные дни апреля 1917 г., он писал: «Почему правительство Милюкова и К^о не пустило в Россию ехавшего с нами швейцарского социалиста Фрица Платтена, который заключил соглашение с немецким правительством об обмене?

¹ См. F. P l a t t e n. Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen. Berlin, 1924; Ф. П л а т т е н. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. М., 1925; е г о ж е. Как я помогал Ленину приехать в 1917 г. в Россию. — «Старый большевик», 1933, № 5(8), стр. 233—235; е г о ж е. Цюрих—Торнео. — «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5. М., 1969, стр. 95—96.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 177—178.

В. И. Ленин и Фриц Платтен в президиуме I конгресса Коминтерна (1919 г.)

Правительство лжет, пуская слухи, что Платтен — друг немцев. Это клевета. Платтен — друг рабочих и враг капиталистов *всех* стран»³.

Пролетарский интернационализм, на который указывал В. И. Ленин, сочетался у Платтена с исключительной силой воли, организованностью и умением ориентироваться в сложной политической обстановке. В свои 34 года он уже был опытным профессиональным революционером, видевшим цель своей жизни в служении народу, в осуществлении великих идей Маркса, Энгельса, Ленина. Совершенно естественно, что он стремился быть рядом с Лениным, в гуще событий, там, где решались судьбы русской, а следовательно и мировой революции. В. И. Ленин, со своей стороны, усиленно добивался пропуска Платтена в Россию. Значение Швейцарии в международном рабочем движении повышалось в его глазах наличием в ней трех равноправных национальностей, говорящих на трех европейских языках — немецком, французском и итальянском. В. И. Ленин указал на это в своем прощальном письме швейцарским рабочим, которое он написал перед возвращением на родину: «Через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским»⁴. Наиболее сознательным и организованным был рабочий отряд «немецкой» Швейцарии, на территории которой расположен такой крупный промышленный центр, как Цюрих.

Платтен был для В. И. Ленина не только ближайшим помощником и единомышленником, но и близким человеком. «Ленин любил меня», — сказал однажды Платтен в кругу своих друзей. Тот, кто знал Платтена, не может ни минуты сомневаться в справедливости его слов. Это был человек большого личного обаяния. Жизнерадостность сочеталась в нем с беспредельной добротой, готовностью отдать людям все свои силы. В то же время он отличался высокой принципиальностью. Эти качества Платтена были хорошо известны как старым большевикам, проделавшим вместе с ним длинный путь из Швейцарии в Россию, так и всем, кто соприкасался с ним хотя бы короткое время.

Надежды В. И. Ленина и Ф. Платтена на скорую встречу не оправдались. Появление Платтена в России стало возможным только после победы Великой Октябрьской

³ Там же, стр. 224.

⁴ Там же, стр. 88—89.

социалистической революции. Он приехал в декабре 1917 г. вместе с четвертой группой политэмигрантов, возвращавшейся в Россию. Вся организационная работа, связанная с переездом в условиях продолжавшейся мировой войны, как и в других случаях, выпала на его долю. Хмурым морозным утром, за три дня до Нового года (который в России отмечался еще по старому стилю ⁵), группа прибыла в Петроград. Прямо с Финляндского вокзала Платтен вместе с некоторыми другими ее представителями поспешил к В. И. Ленину в Смольный. С радостным волнением подошел Платтен к зданию штаба пролетарской революции. После победы Октября прошло около двух месяцев. Уже были проведены крупные социалистические преобразования в экономике Советской России. Это вселяло уверенность, что молодую Республику Советов не постигнет судьба Парижской коммуны.

Перед входом в бывший Институт благородных девиц стояли две трехдвойки, накрытые чехлами — свидетели недавних боев. У дверей разместился караул латышских стрелков. Широкие лестницы, длинные сводчатые коридоры. Всюду шумно, всюду людно: солдаты с винтовками, в походных шинелях и романовских полушубках, матросы в черных бушлатах, рабочие, спешащие выполнять различные задания...

Первая встреча с В. И. Лениным была, по словам Платтена, необычайно сердечной, но короткой. Расспросив, как прошел переезд, и узнав, что приехавшие из Швейцарии товарищи еще находятся в вагонах, В. И. Ленин тотчас же обратился по телефону к А. М. Коллонтай и попросил ее заняться размещением и устройством прибывших ⁶.

Мрачен был Петроград в эти послеоктябрьские дни. Решалась судьба только что завоеванной пролетариатом власти. Борьба продолжалась, и чем увереннее становилась поступь Октября, тем озлобленнее делались враги. Революционный порядок нарушался вылазками классовых врагов, стремившихся вызвать недовольство в массах и не гнушавшихся никакими средствами. Свое сопротивление они выражали в форме саботажа, бойкота, контрреволюционных выступлений, используя при этом политически неустойчивые и деклассированные элементы. В связи с создавшимся положением, при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов 2(15) декабря 1917 г. был образован специальный Комитет по борьбе с погромами и контрреволюцией. Комитет помещался в Смольном в комнате № 75. Возглавлял его В. Д. Бонч-Бруевич. Комитет действовал через комиссаров из среды красногвардейцев, матросов, рабочих — членов большевистской партии.

Особенно обострилось положение в Петрограде в связи с подготовлявшимся созывом Учредительного собрания. Кадеты, эсеры, меньшевики и беспартийные приверженцы старых порядков стали в это время все теснее объединяться и спланировать, готовясь к вооруженному выступлению в Петрограде. Они намеревались свергнуть Советы и передать власть Учредительному собранию. Развернули свою деятельность подпольные «Союз защиты Учредительного собрания», «Комитет спасения» и другие организации, руководимые в первую очередь правыми эсерами. Последние, не рассчитывая найти поддержку своей политики в массах, избрали методом борьбы индивидуальный террор, первой жертвой которого они намечали главу Советского правительства В. И. Ленина.

1(14) января Владимир Ильич и Мария Ильинична решили навестить и поздравить с Новым годом Фрица Платтена и других прибывших из Швейцарии товарищей, которые все еще жили в вагонах, стоявших на одном из запасных путей Финляндского вокзала. Во время этой встречи, тепло поздравив всех, В. И. Ленин пригласил Ф. Платтена поехать вместе с ним в Смольный, чтобы поговорить о многом. Долго беседовали они, сидя в рабочем кабинете Ленина. Владимир Ильич подробно расспрашивал о последних событиях в Цюрихе, о знакомых швейцарских товарищах. В разгар беседы в комнату вошел Н. И. Подвойский, который позднее описал эту встречу ⁷. «Подвойский, наш военный специалист», — сказал по-немецки Владимир Ильич Платтену. А затем, обращаясь к Подвойскому, представил: «Это товарищ, который вывез нас из Швейцарии, — товарищ Платтен».

⁵ Новый стиль был установлен с 1 февраля 1918 г.

⁶ См. Р. Багоцкая. Накануне. — «Известия», 20.IV.1961.

⁷ См. Н. И. Подвойский. Первый батальон. — «Известия», 23.II.1958.

Подвойский рассказал Платтену, что в России совершается величайшее революционное дело: создается социалистическая армия. Сегодня первый сформированный батальон Красной Армии отправляется для обороны границ от возможного империалистического нападения Германии. Ленин разъяснил Платтену роль, смысл и значение Красной Армии в создавшейся обстановке. От имени рабочих Выборгского района Подвойский обратился к Ленину с просьбой, чтобы он непременно сам проводил на фронт этот первый батальон Красной Армии. Владимир Ильич охотно согласился и пригласил Платтена поехать вместе с ним на митинг.

«Мы поехали на проводы батальона вчетвером: Владимир Ильич, Платтен, Мария Ильинична и я,— писал Подвойский.— По дороге я рассказал о том, как три дня назад в Петроградском Совете и затем на пленуме Петроградского Совета был поставлен вопрос об организации Красной Армии. Рассказал и о том, как на следующий день рабочие Петрограда принялись перестраивать отряды и батальоны Красной Гвардии в Красную Армию. Впереди всех, как и следовало ожидать, оказался Выборгский район — наиболее пролетарский, наиболее революционный»⁸.

Платтен, всматриваясь в темноту петроградских улиц, заметил В. И. Ленину, что тот подвергает себя слишком большой опасности, появляясь так часто и без всякой охраны в многолюдных местах, на собраниях и на митингах. «Характерен был ответ, данный мне Лениным в связи с моими упреками,— вспоминал впоследствии Платтен.— Он заявил, что в настоящее время ни один большевик в России не может уклониться от опасности»⁹.

...Переехав Симеоновский мост, автомобиль «Делано-Бельвилль» № 46-47, ныряя в сугробах, подкатил к манежу. Густая толпа осаждала огромное старинное здание Михайловского манежа. К автомобилю бросилась группа красногвардейцев, стараясь осадить толпу и освободить проход. Подвойский, почти на ходу выскочив из машины, сразу исчез в широко раскрытых дверях манежа. К В. И. Ленину с радостным приветствием подошел американский прогрессивный журналист Альберт Рис Вильямс, также восторженно встретивший Платтена и Марию Ильиничну, и все они вместе вошли в манеж. В. И. Ленин и его спутники были встречены шумными приветственными возгласами. «Горящие факелы освещали внутренность громадного помещения, придавая длинному ряду броневику вид каких-то первобытных чудовищ. Между броневику и на огромной арене толпились темные фигуры красноармейцев, бедно вооруженных и снаряженных, но богатых революционным пылом. Чтобы согреться, они прыгали на месте, подталкивая друг друга. Пели революционные песни и деревенские частушки». Так писал впоследствии, вспоминая этот вошедший в историю день, Альберт Рис Вильямс¹⁰.

Под продолжавшиеся приветственные возгласы В. И. Ленин поднялся на один из броневику. Его бледное, утомленное лицо светилось радостью. Вдоль противоположной стены выстроился первый батальон Красной Армии. Обмундирование этих первых красноармейцев было самое разнообразное и пестрое. Тут можно было видеть и крестьянские зипуны, и черные рабочие тужурки, серые папахи, картузы, ушанки, бескозырки. Перед строем батальона стоял его командир с пашкой наголо. Повернувшись к красноармейцам, он поднял пашку вверх, подав знак к тишине, и вложил ее в ножны. Все затихло. Слышалось лишь потрескивание факелов.

«Товарищи, — обратился В. И. Ленин к первым красноармейцам,— я приветствую в вашем лице решимость русского пролетариата бороться за торжество русской революции, за торжество великих ее лозунгов не только в нашей земле, но и среди народов всего мира»¹¹. Стоя рядом с В. И. Лениным, Платтен внимательно всматривался в лица добровольцев-красноармейцев. Его поражали энтузиазм, решимость и бесстрашие, запечатленные на их лицах. Они поднялись, чтобы защищать завоевания революции, своей пролетарской революции. Вдруг Платтен (как он рассказывал позднее) заметил, что сквозь ряды бойцов настойчиво, решительно пробирался к Ленину молодой военный, по-видимому офицер, в полушубке старого военного образца, но без погон,

⁸ Там же.

⁹ «Старый большевик», 1933, № 5(8), стр. 234—235.

¹⁰ «Воспоминания о Ленине», т. 3. М., 1961, стр. 168—169.

¹¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 216.

в серой папаше. Он здесь чужой, — ясно ощутил Платтен и стал внимательно следить за ним, за каждым его движением.

«Приветствую в вашем лице, — продолжал В. И. Ленин, — тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию»¹². Жадно слушали своего вождя вчерашние рабочие, ставшие бойцами. Не отрывал своего взора от Ленина и этот «чужой». Чувство тревоги не оставляло Платтена, и он ни на шаг не отходил от Ленина.

«Пусть товарищи, отправляющиеся в окопы, поддержат слабых, утвердят колеблющихся и вдохновят своим личным примером всех уставших, — заканчивал свою речь В. И. Ленин. — Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию волеются пролетарские силы других стран»¹³. Возгласы одобрения покрыли слова В. И. Ленина.

В этот момент, вспоминая Платтен, «чужой» стал быстро пробираться к выходу. Кто же был этот человек, вызвавший такую тревогу у Платтена? Благодаря случайно сложившимся обстоятельствам, в руках В. Д. Бонч-Бруевича оказался интересный документ — рукопись воспоминаний молодого офицера, написанная под псевдонимом «Г. Решетов»; однако в конце ее стояла подлинная подпись автора: Герман Ушаков. Сопоставление этого документа с наблюдениями Платтена наводит на мысль, что замеченный им подозрительный человек мог быть именно Г. Ушаковым. Вот что выясняется из рукописи, опубликованной В. Д. Бонч-Бруевичем¹⁴. Ушаков активно участвовал в Февральской революции, но после Октября оказался в рядах контрреволюции, создавшей разветвленную сеть террористических организаций, особенно среди бывших офицеров царской армии. Накануне созыва Учредительного собрания Ушаков взял на себя осуществление убийства В. И. Ленина. На его письменном столе появились припасенные им наганы и готовая, заряженная бомба. Пoblзости от его дома, в переулке находилась конспиративная квартира террористов. Когда 1 января заговорщики устроили там свое очередное собрание, было получено известие, что В. И. Ленина ждут в Манеже на проводы красноармейцев. Главарь террористической группы приказал всем участникам отправиться поодиночке к скверу, расположенному за Манежем. Сам Ушаков должен был проникнуть в Манеж, чтобы дать сигнал, когда митинг закончится и Ленин направится к выходу.

Ушаков сообщал далее, что во время выступления Ленина он «подбежал» к нему очень близко, чтобы рассмотреть его и запомнить, а потом следить за ним по окончании митинга. Затем он поспешил к своим соучастникам, которые быстро распределили между собой роли. Ленин, решили они, наверняка поедет в машине через Симеоновский мост. В разных местах заговорщики расставили посты. Предполагалось, что первый, выследив, как Ленин сядет в машину, даст сигнал второму, второй — третьему и т. д. Затем Ушаков намеревался бросить в нее бомбу или открыть прицельную стрельбу. Страшное злодеяние было подготовлено, все было продумано.

А в Манеже, после короткого приветственного слова Вильямса, митинг был объявлен оконченным. Маленький оркестр заиграл «Интернационал», с огромным воодушевлением подхваченный всеми присутствующими. Подвойский дал команду строиться. Зазвучал походный марш. Под его звуки Первый батальон добровольцев покинул Манеж.

Сквозь тесный людской коридор В. И. Ленин, М. И. Ульянова и Ф. Платтен выбрались из Манежа и направились к ожидавшему их автомобилю. Как будто все спокойно... Но чувство беспокойства не оставляет Платтена. Он поспешно садится в машину рядом с Лениным, не переставая всматриваться в темноту. Туман сгустился еще сильнее, в двух шагах люди казались шевелящимися тенями. Машина, лавируя среди сугробов, направилась к Симеоновскому мосту. Когда она въехала на мост, Плат-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Три покушения на Ленина. М., 1930, стр. 45—77.

тен заметил у перил человека. Вслед за тем машину обстреляли. Однако Платтен, который все время был настороже, успел быстро пригнуть голову В. И. Ленина книзу, и вражеская пуля, метившая в вождя революции, задела руку Платтена. Ленин был спасен¹⁵. Быстрота, с какой действовал Платтен, не была проявлением слепого инстинкта. То была бдительность революционного борца, ни на минуту не забывавшего об опасности, грозившей вождем революции. Современники запомнили, что лицо В. И. Ленина выражало горечь и недоумение. Но приехав в Смольный, он сейчас же переключился на очередные дела и поднялся в свой кабинет, где должно было начаться заседание Совнаркома¹⁶.

Старый член партии А. Г. Шлихтер, бывший в дни Октября членом Военно-революционного комитета, впоследствии вспоминал о том, как Смольный мгновенно облетело страшное известие: «Только что стреляли в Ильича, когда он возвращался с митинга. Кузов автомобиля пробит пулей... После первых выстрелов, не попавших в автомобиль, Платтен заподозрил, что стреляют в Ильича, и прикрыл рукой его голову. Это спасло Ильича. Пуля, пробившая кузов автомобиля, пролетела так близко над головой Ильича, что ранила Платтена в палец руки, которой он пригибал голову Ильича книзу». Далее, описывая настроение окружающих, Шлихтер продолжал: «Первые минуты потрясение от избежнутого ужаса было так велико, что его не могла ослепить радость за спасение Ильича. Каждому хотелось увидеть Ильича самому, убедиться, что он действительно совсем, совсем не ранен. Но Ильич уже был у себя, и в коридоре можно было видеть некоторое время только Платтена, который не то шел на перевязку, не то возвращался уже после перевязки»¹⁷.

«Ранение Платтена не было опасно, как я могла убедиться, делая ему первую перевязку»¹⁸, — вспоминала врач Р. Багоцкая, находившаяся в тот вечер в Смольном. Сам Платтен называл свое ранение «чарапиной». Тем не менее он был глубоко потрясен покушением на В. И. Ленина. В. Д. Бонч-Бруевич, касаясь описанных событий, подчеркивал, что «в это первое покушение Владимир Ильич был действительно на волосок от смерти»¹⁹.

В ночь на 2 (15) января 1918 г. в 75-й комнате Смольного никто не спал. В. Д. Бонч-Бруевич сразу же начал расследование дела о покушении, поддерживая непрерывный контакт с Ф. Э. Дзержинским, уже возглавлявшим ВЧК, которая была создана при СНК 7 (20) декабря 1917 г. Комиссары 75-й комнаты Смольного были немедленно направлены в различные районы Петрограда, однако в то время никаких следов преступления обнаружить не удалось. Было ясно лишь одно: в Петрограде действуют какие-то вражеские контрреволюционные организации, руководимые, по-видимому, правозерковским подпольем и, возможно, связанные с Калединым. Спустя некоторое время было обнаружено, что у Смольного какими-то неизвестными лицами ведется слежка за автомашинами, выезжающими через ворота, и записываются их номера.

Петроград был полон самых разнообразных слухов о покушении на жизнь В. И. Ленина. Все с нетерпением ожидали газетных сообщений, но газеты 2 января не вышли, так как типографии в день новогогоднего праздника не работали. 3 (16) января в «Правде» появилась гневная статья:

«Берегитесь!

1 января, когда тов. Ленин ехал с митинга, он был обстрелян контрреволюционными негодями. Швейцарский товарищ Платтен, который ехал вместе с ним, был легко ранен. Господа контрреволюционеры открыли снова огонь по революции.

Среди буржуазии сейчас колоссальная ненависть, бешеная злоба против Советской власти. Еще бы! Земля отобрана у помещиков — разве это не ужас для благородного дворянства? Банки отобраны у банкиров и переданы народу — разве это не погибель для банкиров? Фабрики и заводы скоро тоже перейдут к народу — разве это не безумие для заводчиков и фабрикантов?...

¹⁵ «Правда», № 11, 14.I.1918; см. также М. И. Ульянова. О Ленине. М., 1969, стр. 117, 119.

¹⁶ «Правда», № 11, 14.I.1918.

¹⁷ А. Г. Шлихтер. Ильич, каким я его знал. М., 1928, стр. 85—86.

¹⁸ «Известия», 20.IV.1961.

¹⁹ В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 45.

Отсюда ни с чем не сравнимая ненависть и злоба господ буржуа. Они ведут отчаянную борьбу за сохранение своих привилегий... Вот почему они не стесняются ни в каких средствах...

Они переходят к расстрелам вождей пролетариата.

Но пусть они помнят: за каждую голову наших они будут отвечать сотней голов своих».

Так же страстно реагировала на это событие «Солдатская правда» в номере от 4 (17) января 1918 г.:

«1 января пуля убийц пыталась положить конец жизни * того, чье имя с любовью и надеждой повторяют миллионы угнетенных всего земного шара.

Можно смело сказать, что ни один министр, ни один правитель в мире не пользовался таким широким доверием народных масс, на какое опирается председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин. И это доверие масс к товарищу Ленину делает его ненавистным врагом для них. Они видят, что безнадежно убрать товарища Ленина с поста, поставив этот вопрос перед выборными народа, и поэтому решили устранить товарища Ленина выстрелами из-за угла, в тот момент, когда собирающийся Третий съезд Советов несомненно подтвердит доверие масс Совету Народных Комиссаров».

Действительно, III Всероссийский съезд Советов, открывшийся 10 (23) января 1918 г. в Таврическом дворце, продемонстрировал горячую поддержку народными массами Советского правительства во главе с В. И. Лениным. Перед съездом, собравшимся вскоре после роспуска Учредительного собрания, стояли задачи исключительной важности. Ему предстояло утвердить проведенные мероприятия и определить дальнейшие задачи Советской власти. На съезде, помимо делегатов от Центральной России, ее окраин и национальных районов, присутствовали гости — посланцы пролетариата Америки, Норвегии, Румынии и других стран. Речи произносились на русском, французском, немецком и английском языках. Платтен присутствовал в качестве представителя Швейцарии. Отношение собравшихся к его подвигу, совершенному 1 января, ярко выразилось в бурных аплодисментах, которыми было встречено появление Платтена. Председательствовавший Я. М. Свердлов предоставил ему слово сразу после своего приветствия участникам съезда ²⁰.

На овацию Платтен ответил речью, которая еще сильнее подчеркнула, какие идеи, мысли и чувства определяли все его поступки.

После встреченного новым взрывом аплодисментов приветствия съезду от имени Швейцарской социал-демократической рабочей партии Платтен сказал: «Швейцарская социал-демократия мала численностью своих рядов, но хочет и готова положить все свои силы на алтарь борьбы за дело всемирного освобождения пролетариата. Мое сердце радуется, что во главе революционной России стоит правительство, выдвинутое восставшими под знаменем социалистического переворота рабочими и солдатами, — правительство, которое своей героической политикой будит народные массы западных стран на такую же борьбу... Угнетенные классы Европы с восхищением следят за движением в России, в которой, пока единственной во всем мире стране, имеющей подлинный революционный парламент — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — дело социалистической революции поставлено на твердую ногу».

Далее Платтен коснулся февральского периода русской революции: «Когда до народов Европы дошла весть о падении царизма, этот факт был встречен ликованием не только в среде демократии, но и буржуазии. Но радость западноевропейских ваших товарищей была омрачена, когда они увидели, что у власти оказались Гучковы и Милюковы. Казалось невероятным, как мог восставший народ верить власти заведомым и заклятым врагам пролетариата — Гучковым и Милюковым, представителям воинствующего империализма, связавшего свою деятельность с вожделениями империалистов союзных стран. Но когда, во время Октябрьской революции, власть буржуазии была свергнута, демократия Западной Европы поняла, что дело русской революции перешло в верные руки. В Октябре пал последний оплот буржуазии — коалиционное

* В газете: положить жизнь.

²⁰ См. стенограмму III Всероссийского съезда Советов. — ЦГАОР, ф. 1235, оп. 2, л. 11, л. 2.

правительство, своей соглашательской политикой толкавшее русский пролетариат в объятия империализма, — и в России власть перешла непосредственно к пролетариату и крестьянству. С этого времени политика революционной России направлялась в полном соответствии с принципами интернационального социализма». В связи с этим Платтен выразил уверенность, что «недалек тот момент, когда русские рабочие и крестьяне услышат ответный отклик со стороны западноевропейской демократии. Война во всех воюющих странах в одинаковой степени привела народы к сознанию необходимости самой решительной и беспощадной борьбы с их классовым врагом — буржуазией — для того, чтобы избавить человечество от дальнейшего повторения этого кошмара. В этом смысле Россия играет в настоящее время огромную историческую роль, являя пример самой последовательной борьбы с классом империалистов и угнетателей».

Затем Платтен обратился к чрезвычайно острому вопросу, от решения которого зависели судьбы революции, — к вопросу о заключении мира с Германией. Выступая с ленинских позиций, за которые тогда приходилось вести ожесточенную борьбу, Платтен сказал: «Все народы обращают свои взоры на Брест-Литовск, где ведутся мирные переговоры. Народы Европы с нетерпением ждут заключения всеобщего демократического мира, и ничто с такой наглядностью, как Брест-Литовские переговоры, не покажет всем воюющим странам — их угнетенным классам, на ком лежит ответственность за трехлетнюю войну и на кого ляжет вина в том случае, если переговоры не приведут к цели. Брест-Литовские переговоры срывают покров с империалистской буржуазии, пытающейся под прикрытием демократических фраз проводить аннексионистскую политику, и никакими способами империалистам центральных держав не удастся больше затемнять сознание армии, которая чем дальше, тем все больше уясняет себе истинный характер стремлений капиталистических правительств воюющих с Россией держав»²¹.

Платтен был прекрасным оратором. Он говорил страстно, выразительно и в то же время очень просто, ясно и убедительно. Его речь, произнесенную на немецком языке, переводил на русский язык народный комиссар юстиции И. З. Штейнберг, отлично владевший немецким языком.

На съезде можно было заметить двух человек, глубоко чем-то озабоченных и взволнованных. Их можно было видеть то спешившими к телефону, дававшими какие-то указания, то уединившимися в одной из отдаленных комнат Таврического дворца. Это были В. Д. Бонч-Бруевич и Ф. Э. Дзержинский. Беспокойство их было вызвано полученными Комитетом 75-й комнаты Смольного сведениями о том, что в Петрограде существует контрреволюционная организация, которая готовит новое покушение на В. И. Ленина.

Как уже говорилось, расследование дела о покушении на В. И. Ленина, совершенном 1 (14) января 1918 г., было начато в ту же ночь, но никаких результатов пока достигнуто не было. Теперь нити преступления как будто начали распутываться. Как писал В. Д. Бонч-Бруевич, в раскрытии преступной террористической организации помог бывший солдат Я. Н. Спиридонов, незадолго до того возвратившийся с фронта в свою деревню²². До войны Спиридонов отбыл каторгу за убийство жандармского офицера. Потом он воевал в качестве рядового Сибирского подвижного полка. Когда фронт начал распадаться, Спиридонов вошел в одну из террористических офицерских организаций, поставивших себе целью борьбу против большевиков. По настоянию своего бывшего командира Г. Ушакова, члена офицерской террористической организации, Спиридонов приехал из деревни в Петроград, где узнал о неудавшемся покушении на В. И. Ленина 1 (14) января, а также о подготовке нового покушения на него. В качестве первого задания Спиридонову было поручено наблюдение за квартирой Бонч-Бруевича на Херсонской улице, где В. И. Ленин часто бывал и ночевал в первые дни после Октябрьского восстания. Позднее газета «Петроградский голос» сообщала: «По признанию Спиридонова, члена Союза георгиевских кавалеров, за то, что он высле-

²¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 2, д. 11, л. 2—5. См. сокращенное изложение в газетах: «Известия» 11(24).I.1918, «Солдатская правда» 12(25).I.1918, «Новая жизнь», 12(25).I.1918.

²² См. В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 6—9.

дит Ленина и поможет взять его живьем или убить его и Бонч-Бруевича, ему было обещано 20.000 р. В последнюю минуту, когда многое уже удалось узнать и выяснить, у Спиридонова заговорила совесть и он направился в Смольный к Бонч-Бруевичу. В Смольном Спиридонов дал показание, очень помогшее расследованию»²³. Очень скоро через Спиридонова удалось установить адреса двух конспиративных квартир, где собирались террористы, обсуждая свои преступные замыслы.

26 января (8 февраля) 1918 г. в «Петроградском голосе» было помещено «Сообщение из бюро печати при СНК», в котором о раскрытии заговора говорилось: «После установления некоторых данных, в ночь с 21 на 22 января были произведены одновременно аресты в Перекупном переулке в д. № 8 и на Забалканском пр. в д. № 21, где были арестованы: подпоручик Ушаков, военный врач Некрасов, капитан А. М. Зинкевич, П. В. Некрасов, вольноопределяющийся Н. Н. Мартыанов. Главное действующее лицо — председатель «Союза георгиевских кавалеров» Осьминин — не был захвачен при этих арестах».

Приступая к следствию и допросу арестованных, В. Д. Бонч-Бруевич поручил комиссарам 75-й комнаты принять все меры к розыску унтер-офицера Александра Осьминина. Выяснилось, что он постоянно жил на Охте, но после ареста соучастников прятался в разных местах. Арест Ушакова и других участников офицерской организации сильно всполошил «Союз георгиевских кавалеров», где сосредоточилось много враждебных революционной власти элементов. На Захарьевской улице в доме № 14, где помещался этот союз, были немедленно выставлены сторожевые наблюдательные посты. Однако комиссары 75-й комнаты тоже не теряли времени даром. На другой же день утром, когда в «Союзе» должно было происходить какое-то важное собрание, «латышские стрелки окружили район и дом, вошли в помещение союза и арестовали всех присутствовавших. Среди них оказались Осьминин и некоторые другие лица, важные для следствия, а в помещении союза были найдены бомбы, ручные гранаты, пашки и несколько винтовок со штыками. Все арестованные были доставлены в Смольный, в комнату № 75, для допроса»²⁴. При допросе Ушаков, Осьминин и Некрасов заявили, что они по своим взглядам сочувствовали партии эсеров (центру) и после Октябрьского восстания вошли в сношения с «Комитетом спасения родины и революции». В. Д. Бонч-Бруевич подчеркивал, что «черная тень эсеровской партии... с несомненностью и ясностью является тайной руководительницей этого контрреволюционного выступления»²⁵. Ушаков и другие арестованные полностью признали себя виновными в совершенном ими 1 (14) января покушении на В. И. Ленина.

У всех, кто соприкасался в период следствия с Владимиром Ильичем, остались в памяти проявленные им в эти дни необыкновенная человечность и великодушие. Когда Бонч-Бруевич докладывал Ленину о ходе следствия, Владимир Ильич «ставил всевозможнейшие вопросы, — то сомневаясь в достоверности материала, то требуя новой проверки... и все более и более заинтересовываясь личностью покушавшихся.

— Вы им побольше литературы, книг давайте читать»²⁶.

К середине февраля 1918 г., когда следствие было закончено, виновность всех арестованных по обвинению в покушении на В. И. Ленина была полностью доказана и они ожидали заслуженной суровой кары, было получено сообщение из Пскова, что немцы двинулись в наступление на Петроград. Во всех газетах было опубликовано и распространялось также в виде прокламаций ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности!»

Воззвание это дошло и до арестованных. Вскоре после этого в 75-ю комнату Смольного было доставлено письмо на имя В. И. Ленина, написанное на оборотной стороне ленинского воззвания. В нем покушавшиеся обращались к В. И. Ленину с просьбой отправить их на фронт на передовые позиции. В. И. Ленин, внимательно прочитав письмо, тотчас же написал на нем: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт»²⁷. Арестованные были освобождены и с первым же бронепоездом отправлены на

²³ «Петроградский голос», № 18, 26.I (8.II).1918.

²⁴ Там же.

²⁵ В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 45.

²⁶ Там же, стр. 10.

²⁷ См. там же, стр. 43.

фронт (на Псковское направление). Когда был заключен Брестский мир, бронепоезд возвратился в Петроград и все покушавшиеся оказались вновь на свободе ²⁸.

Фриц Платтен уже не застал окончания следствия: нараставшее революционное движение в Западной Европе побудило его возвратиться в Швейцарию. Он спешил рассказать рабочим и крестьянам у себя на родине о том, что пролетариат Страны Советов прочно взял власть в свои руки. Ему было ясно также, что Советская Россия нуждается в поддержке мирового пролетариата в любой форме — от противодействия империалистическим державам в их попытках задуть молодую Республику Советов до революционных выступлений с оружием в руках.

Покушение на В. И. Ленина, совершенное 1(14) января 1918 г., вызвало у Ф. Платтена большую тревогу за жизнь великого вождя пролетарской революции. Волновало его это событие и как симптом начинавшейся гражданской войны. И все же, несмотря на пережитое тяжелое потрясение, он возвращался на родину, полный новых сил и энергии, с укрепившейся верой в победу ленинских идей. Его воодушевлял огромный революционный подъем, созидательная работа советского народа, готового на любые подвиги, на любые жертвы ради защиты завоеваний Октября.

²⁸ Г. Ушаков честно служил в рядах Красной Армии, а позднее сотрудничал в редакциях советских газет и журналов.

